

— Это немного меня успокаивает, — сказала Хриза, её голос был тихим, но твердым. — Мой первый парень, Седрик... ну, Волдеморт убил его у меня на глазах, когда мне было четырнадцать, почти пятнадцать. Я видела его смерть. Мой второй и последний на данный момент парень, Фред, погиб в мае прошлого года, во время битвы за Хогвартс. Он погиб, когда на нас обрушилась стена. Опять же, я была там и видела его смерть. Так что я пока не готова сразу вступать в новые отношения. — Это вполне понятно, — успокоил Аид, положив руку на её плечо. — Помимо Персефоны, за долгие века я заводил несколько любовниц, когда одиночество меня донимало. Я никогда не спал с таким количеством женщин, как мои братья, и мои всегда были от одиночества, а не просто от неспособности удержать себя в узде. Мою последнюю возлюбленную звали Мария. У нас было двое детей: Бьянка и Нико. Она погибла в 1945 году, когда Зевс разрушил отель, в котором они остановились, пытаясь убить моих детей. После Марии я даже не думал о том, чтобы завести другую возлюбленную, кроме Персефоны, разумеется. Хриза на мгновение замолчала, а затем медленно произнесла: — Согласно Танатосу, Зевс — мой отец. Ты считаешь, что это против меня? — Если бы ты выросла как дитя Зевса, со всеми вытекающими отсюда привилегиями и высокомерием, то да, возможно, — честно ответил Аид. — Зевс пытался убить Нико и Бьянку из-за пророчества, в котором говорилось, что ребенок Большой Тройки достигнет шестнадцати лет и, возможно, разрушит Олимп. Если бы я знал о его ребенке младше шестнадцати лет, я бы наверняка попытался уничтожить его в отместку. Хриза выглядела слегка встревоженной. — Мне уже восемнадцать — ну, Танатос сказал, что теперь моё тело никогда не станет старше семнадцати, — но я старше шестнадцати. Это пророчество не может относиться ко мне, не так ли? — Нет, — сказал Аид. — Судьбы заверили нас, что ты не имеешь никакого отношения к пророчеству. С одной стороны, ты уже слишком стара. А во-вторых, ты одна из Благословенных Гекаты, что служит своего рода лазейкой для "ребенка Большой Тройки". — Могу я спросить, что говорится в пророчестве? Поскольку от меня почти всю жизнь скрывали одно пророчество, я бы хотела хотя бы узнать, что это за пророчество, особенно если оно может означать, что в будущем у меня появится брат или сестра или ребенок, — сказала Хриза. Аид кивнул, почувствовав легкую искру возбуждения, когда она упомянула о своих будущих детях. — Полукровка старших богов. Достигнет шестнадцати лет вопреки всему. И увидит мир в бесконечном сне. Душу героя проклятый клинок пожнет. Один-единственный выбор завершит его дни, Олимп сохранить или разрушить. Хриза выглядела слегка шокированной. — Ну, это не зловеще. Аид усмехнулся. — Теперь ты понимаешь, почему мои братья так быстро попытались убить моих детей? — Ты все время говоришь "попытка". Я полагаю, Нико и Бьянка выжили? Что с ними случилось? — с любопытством спросила Хриза. Аид глубоко вздохнул, пытаясь успокоить себя при мысли о том, что ему пришлось сделать со своими младшими детьми. — Они в Лас-Вегасе, в месте под названием Lotus Hotel and Casino. Ты говорила, что читала мифы, ты когда-нибудь читала о Пожирателях Лотоса? — спросил он её. — В "Одиссее", да. Моряки съели цветок лотоса и забыли о том, что когда-либо пытались уплыть. Пожиратели лотосов сейчас находятся в казино? — недоверчиво спросила Хриза. — Да. Поедание цветка лотоса не просто заставляет тебя забыть о том, что ты делал; оно заставляет тебя не хотеть никогда уходить. А еще он не дает тебе стареть. Бьянка и Нико застряли там в лимбе уже почти семьдесят лет. Лицо Хризы смягчилось от жалости. Она потянулась через стол, чтобы взять его за руку. — Я не могу представить, каково это для тебя. Моему крестнику, Тедди, завтра исполняется восемь месяцев, и я не могу представить, что буду разлучена с ним на год, не говоря уже о семидесяти! Не думаю, что смогла бы это вынести. — Это тяжело, — признал Аид. — Всякий раз, когда я слишком много думаю об этом, я напоминаю себе, что однажды пророчество исполнится, и я смогу вытащить их оттуда. Это будет трудно; их память сейчас заблокирована, так что они не будут помнить, что они полубоги, и не будут помнить меня. Они не будут знать, почему это произошло на столько десятилетий позже, чем они думали. Но они будут живы, по крайней мере. — Почему их воспоминания заблокированы? — с любопытством спросила Хриза. — Мы были в здании, когда Мария — их мать — умерла, — признался Хейдес. — Им уже

угрожали. Зевс приказал мне отправить их в лагерь полукровок, но они были потенциальными детьми пророчества, и к тому же моими детьми. Они были бы мертвы в течение месяца. Я планировал перевезти всех троих в безопасное место. Я собирался защитить Марию от влияния Цветка Лотоса и перевезти всех троих в гостиницу, пока они не окажутся в безопасности. По крайней мере, они все ещё были бы вместе, и я хотя бы мог навещать их. Мы с Марией обсуждали это в холле, где они остановились, пока дети играли. В конце концов она согласилась и вернулась наверх, в их комнаты, чтобы забрать свою сумочку. Зевс разрушил отель. Поскольку я был с Нико и Бьянкой, я мог защитить их, но Мария была слишком далеко — у меня не было времени...Хриза сжала его руку. До этого момента Аид не понимал, что она все ещё держит его.— Я уверена, что она знает, что ты пытался, — мягко сказала она. — И я так же уверена, что она предпочла бы, чтобы ты защитил ее детей, чем, возможно, ранил их, пока ты пытался добраться до нее.Аид глубоко заглянул в ее зеленые глаза, зеленые глаза, которые, казалось, знали больше, чем следовало.— Именно так она бы и сказала, — мягко признал он. — Как бы сильно она меня ни любила, она бы сделала все, чтобы защитить Нико и Бьянку.— Как долго ты был с ней? — спросила Хриза, голос был таким же мягким.— Тринадцать лет, — признался Хейдес. — Это было примерно за год до рождения Бьянки, и я был с ней, пока она не умерла. Ее смерть была слишком травматичной, чтобы дети могли ее запомнить. Хватит депрессивных разговоров, — твердо сказал он, задвигая Марию на задворки сознания. — Ты упомянул своего крестника? Тедди? Не расскажешь мне о нем?Лицо Хризы засветилось, когда она начала оживленно рассказывать о ребенке. Несколько часов спустя их разговор прервал работник кафе, который грубо сообщил им, что кафе уже закрыто и они могут, пожалуйста, уйти. Пара дружелюбно рассталась, торопливо строя планы встретиться снова на следующей неделе. В конце их следующей встречи Аид затронул важную тему.— Завтра зимнее солнцестояние, — сказал он.Хриза кивнула. — Зимнее солнцестояние — это единственный день в году, когда меня ждут на Олимпе, — начал он, голос его звучал мягко, но с едва уловимой ноткой стальной твердости. — Каждый год в этот день у нас проходит заседание совета. Иногда бывают дополнительные встречи в другое время года, иногда нет, но собрание в день зимнего солнцестояния — это непреложная традиция. И меня всегда приглашают. В конце концов, именно я должен объявить о твоём восхождении на должность моего второстепенного консорта и чемпиона Танатоса. Технически, я должен сделать это уже в этом году, но если ты хочешь, я могу отложить это на потом, — закончил он, пристально глядя на меня.